

УДК 167.7

DOI: 10.15372/PS20240501

EDN: ZXVOBC

В.В. Целищев**A PRIORI КАНТА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

Статья посвящена экспликации традиционного кантовского понятия *a priori* в контексте объединения философии науки и истории философии. Т.н. «релятивизованное *a priori*» рассматривается в качестве методологического принципа современной науки. Обзор недавних исследований в этом направлении М. Фридмана и его оппонентов дает представление о динамике включения философских категорий в процесс смены парадигм.

Ключевые слова: *a priori*, релятивизация, научная теория, регулятивный принцип, конститутивный принцип, синтетическое знание

V.V. Tselishchev**KANT'S A PRIORI IN MODERN PHILOSOPHY OF SCIENCE**

The article is devoted to the explication of the traditional Kantian concept *a priori* in the context of combining the philosophy of science and the history of philosophy. The so-called "relativized *a priori*" is considered as a methodological principle of modern science. A review of recent research in this area by M. Friedman and his opponents gives an idea of the dynamics of the inclusion of philosophical categories in the process of paradigm shift.

Keywords: *a priori*, relativization, scientific theory, regulatory principle, constitutive principle, synthetic knowledge

Наука Нового времени, традиционно соотносимая с именами Галилея и Ньютона, была тесно связана с философией. Само название главного труда Ньютона «*Математические начала натуральной философии*» говорит не только о важной роли метафизики (и даже теологии) в научных конструкциях, но и о «машинерии» философских понятий, апеллирующих к техническим деталям научных теорий, от математики до эмпирических открытий. Та же тенденция сохранилась и на более поздних этапах развития науки, так что интерпретация научных теорий сопряжена с двумя областями гуманитарного дискурса – с историей философских идей о естествознании, а также собственно философией науки. Однако в процессе все большей

автономизации науки связь истории науки и истории философии слабеет, и к определенному времени история науки в значительной степени обрела самостоятельность, как история научных идей и технологий. «*Структура научных революций*» Т. Куна увязала науку с более общим фоном человеческой практики и культуры, нашедшем отражение в концепции парадигмы, и в некотором смысле обеспечила новое видение истории науки, гораздо более широкое, чем просто натурфилософские схемы или поспешные философские обобщения естественных наук и математики.

Глобальный взгляд Куна на историю науки оставлял в тени два рода вещей: во-первых, это детали собственно научных теорий, и во-вторых, философский фон этих теорий, который считался лишь одним из компонентов парадигм. Согласно известному афоризму, «дьявол в деталях». Именно глобальность концепции научных революций Куна вызвала реакцию, суть которой состоит в обнаружении обманчивости ее объяснительной способности. Подлинная история науки гораздо более извилиста и сложна, как в чисто дескриптивном, так и в концептуальном отношениях. В частности, стало ясно, что философский фон развития науки, в обоих упомянутых отношениях, играет гораздо более важную роль, чем это представляется в смазанной картине Куна. Это, конечно, лишь часть возражений против куновской концепции, но она стала основой нового направления, сочетающего историю науки с историей философии. Эта «синтетическая история науки» имеет дело не только с собственно дескриптивной историей философских концепций, но скорее с философией науки, как она понимается в настоящее время.

Приведенное выше несколько туманное представление нового направления обрело полное звучание с появлением отдельных важным тем и имен. Сплав истории и философии в единый дискурс о науке имеет фактически дело с тем, что часто называется «историей идей», но только в более конкретном проявлении, чем это было принято ранее, например, в известной книге А.Н. Уайтхеда «Приключения идей» [6]. Одна из самых значимых и давних таких историй связана с «приключениями» кантовской концепции *a priori*, которая оказалась в центре дискуссий в самое последнее время в связи с реконструкцией истории структуры научного знания. Одним из главных инициаторов такого рода реконструкций явился известный философ науки М. Фридман. Его взгляды на это счет стали предметом критического обозрения в статьях ведущих философов науки, собранных под названием «Дискурс о новом методе» [10]. Основой книги является монументальный очерк самого Фридмана (около двух с половиной сотен

страниц). В силу этого обстоятельства, а также опускания статей, которые не имеют прямого отношения к этому очерку, перевод этой книги на русский язык получил несколько иное название [9]. (Далее, все ссылки на страницы и цитаты будут приведены для русского издания).

Реконструкция касалась того самого *a priori*, которое оказалось на долгое время предметом критики логическими эмпиристами, историей которых занимается Фридман. Сама по себе история этого понятия является, можно сказать, драматической, от полного доминирования до тотального отрицания, и неопределенной нынешней судьбой. Видный историк логического эмпиризма А. Коффа четко описывает, например, сцену «гонений» на *a priori*, которая явилась фоном для представляемой в этом томе еще одной из многих истории идей:

«Кант поместил идею чистой интуиции в центр своего рассмотрения науки *a priori*. Позитивисты не могли признать такого видения проблемы и не нашли другого выхода из дилеммы, кроме как отрицать существование *a priori*, даже в случае логики... К концу XIX века становится ясно, что априорное знание не может быть тем, чем его полагал Кант... Чистая интуиция должна быть исключена из априорной науки, и кантовская картина математики и геометрии должна быть заменена какой-то другой... В начале XX века специальная и общая теория относительности бросили еще один вызов кантовскому взгляду, теперь уже в области физики» [4, с. 7].

В этой связи возникают два варианта: либо низведение *a priori* до уровня лингвистической конвенции, что означает фактически отказ от этой категории, либо действительно такая модификация ее, которая бы сохранила кантовский «привкус». Собственно, Фридман предпринял серьезнейшую попытку реализации второго варианта под названием «релятивизованного *a priori*».

Фридман наиболее известен своими работами в области философии науки, особенно по научному объяснению и философии физики, а также своей исторической работой об Иммануиле Канте. Кроме того, Фридман написал множество работ по истории как собственно науки, так и ее философских интерпретаций. Известной его работой в этом направлении является «Логический позитивизм пересмотренный» [13] и ряд работ по Канту, включая пару столь же известных монографий [12;14].

Учитывая, что в его багаже есть важная книга по интерпретации общей теории относительности, «Основания теорий пространства-времени: релятивистская физика и философия науки» [11], вполне естественно предположить, что собственное философское кредо Фридмана близко к тематике (если не самим доктринам) логического эмпиризма. И учитывая небрежение логических эмпиристов концепцией

a priori, возникает вопрос, почему Фридман озабочен возрождением этой кантовской концепции. Или даже более общий вопрос: как его интерес к Канту вообще связан с интересом к логическим эмпиристам.

На этот вопрос есть несколько ответов. Прежде всего, видные логические эмпиристы, что может показаться странным для нынешнего читателя, исходно были неокантианцами. А. Коффа в двух главах своей книги говорит о М. Шлике и Р. Карнапе «до Вены», или другими словами, о неокантианских корнях виднейших логических эмпиристов. Далее, хотя для нынешнего времени неокантианцы являются далеким прошлым (в отличие от логических эмпиристов, которые все время на слуху в многочисленных опровержениях «пост-позитивистов» и снисходительных оценках современных аналитических философов), следует помнить, что движение «Назад к Канту» «взяло верх над немецким идеализмом, романтизмом и психологическим натурализмом через развитие философского взгляда, тесно связанного с естественными и социальными науками» [11, р. 110]. И все-таки, неокантианство носит на себе печать той тенденции в философии, которая позднее увязывалась с континентальной философией. Очевидно, что такое двойственное положение неокантианцев, некоторые из которых стали видными аналитическими философами, вызывает к некоторой промежуточной фигуре. И Фридман нашел ее в лице Эрнста Кассирера, последнего видного неокантианца, который соединял в себе традиции «классической» кантовской проблематики с превосходным знанием современной науки – от общей теории относительности Эйнштейна до теории отношений в основаниях математики Рассела. В частности, Фридман полагает, что в часто обсуждаемом вопросе о перспективах какого-то плодотворного контакта между континентальной и аналитической философией, наиболее важной является фигура как раз Кассирера, идеи которого сопоставлены с идеями его соперников Хайдеггера и Карнапа в еще одной его книге [8].

Это видно из приложения статьи С. Дрессера «Многоточия на пике важности» к русскому переводу его книги)

Для Фридмана фигура Кассирера не является «проходной», какой она представляется современному читателю. Нынешнее преподнесение истории противостояния аналитической и континентальной философий упрощается до такой степени, что из такой истории выпадает видный неокантианец. (Это видно из статьи С. Дрессера «Многоточия на пике важности» к русскому переводу его книги) [3]. Например, один из рецензентов этой книги говорит, что читатель наверняка будет крайне удивлен, обнаружив, что главным героем книги является не Хайдеггер, и не Карнап, а именно Кассирер.

Уже из этого обстоятельства можно заключить, что интересы Фридмана лежат в использовании кантианских идей в понимании не только истории науки в контексте истории философии, но и в применении к анализу современной философии науки. Современность требует признания, как уж было указано выше, что «*a priori* знание не может быть тем, чем его полагал Кант». Возможная модификация состояла в «релятивизации» *a priori* к концептуальным структурам новой науки XX века, в первую очередь, к концептуальным структурам, которые были важны для кантовского *a priori*.

Несколько событий объясняют объединение таких тем как философия физики, неокантианство, и категория *a priori*. Дело в том, что в начале 1920-х гг. еще неокантианец М. Шлик написал работу о философской значимости общей теории относительности, которую очень высоко оценил сам Эйнштейн. И тогда, еще другой неокантианец, Г. Райхенбах в анализе структуры современной физики обнаружил априорные элементы и нашел для них экспликацию в виде т.н. координационных определений. Эволюция обоих неокантианцев в логических эмпиристов оформило тот концептуальный каркас, в котором *a priori* обрело новый облик, в существенной степени определяемый уже особенностями этого каркаса. Именно это обстоятельство дало возможность рассмотрения релятивизованного к каркасу *a priori*. Устранение недостатков и шероховатостей такой релятивизации стало одной из задач Фридмана, выполнение которой стало возможным благодаря только тщательному вниманию к двум факторам: детальному анализу истории науки в свете столь же детального исследования истории философии.

Фридман, конечно же, не был одинок в этих усилиях, и более того, возросший поток работ в этом направлении только и позволил говорить о возникшем движении. Но стоит отметить, что «релятивизованное *a priori*» Фридмана находится в фокусе этого движения в силу ряда факторов. Поскольку наиболее «ходовыми» в связи с *a priori* являются концепции пространства и времени, на первый план для примкнувших к лозунгу «назад к Канту» выходит фундаментальная реформа представлений пространства и времени или рождении новой концепции «пространства-времени» Минковского. Вполне естественно, что компетентность Фридмана в вопросах общей теории относительности, продемонстрированная им в уже упомянутой его книге [11], делала его самой подходящей фигурой для реализации стратегии релятивизации *a priori* в свете новой концептуальной структуры физики.

Хотя в представленном переводе, как читатель может догадаться, центральное место в освещении современного видения *a priori* занимает по праву сам Фридман, не менее важным является то, как в целом философы, удачно сочетающие в своей работе историю и философию

науки с собственно философией науки, другими словами, коллеги Фридмана, реагируют на его предложения по «релятивизации» *a priori*. При этом, в своих ответах Фридман не ограничился собственно реакцией на критику, а дал превосходное систематическое изложение ряда важных эпизодов из истории философии и истории науки, синтез которых служит экспозиции главного тезиса Фридмана – о «релятивизованном *a priori*»-подходе, как в прошлом, так и в настоящем. В этом смысле вклад Фридмана в оригинальный том больше похож на отдельную монографию, как она и была воспринята переводчиком и составителем русского издания. Необходимость такой неравномерности в преподнесении Фридманом и его критиками своих взглядов объяснялось и тем, что критики по большей части имели в виду книгу Фридмана «Динамика разума» [13], и он не только ответил им, но и сумел обновить и скорректировать свои прежние взгляды.

Пожалуй, самым неожиданным для читателя является ход Фридмана, в котором он ассоциирует парадигмы Куна с релятивизованным *a priori*, хотя и не буквально, но тем не менее, устанавливая связь концепции Куна с кантовской проблематикой. Целью Фридмана при этом является определенного рода опровержение концепции Куна о несоизмеримости парадигм научных теорий разных времен, а также сопутствующего этой картине релятивизма. Фридман намекает на то, что сам Кун осознавал связь своих взглядов с кантовской картиной науки, приводя снятое Куном при переиздании одной своей работы замечание о «подвижных парадигмах», в которых можно узнать релятивизованное *a priori*.

Но картина Фридмана гораздо шире, чем прямое противостояние с Куном. Фридман излагает динамичную и историзированную версию концепции научных априорных принципов Канта как воплощение идеала научной объективности и универсальности эпохи Просвещения. Релятивизация *a priori* отдавала должное революционным изменениям в науке, которые считались опровержением исходной защиты Кантом этого идеала. Благодаря такой модификации кантовского подхода к эпистемологии и философии науки, Фридман, оставаясь в принципе верным Канту, выступает против как натуралистического холизма У. Куайна, так и посткуновского концептуального релятивизма. Это делает концепцию Фридмана вполне самостоятельной философией науки. Действительно, сосредоточившись на развитии «научной философии» от Канта до Карнапа, а также на параллельных событиях, происходивших в науке в тот же период, Фридман формулирует новую динамическую концепцию *релятивизированных a priori* принципов. Эта идея, применяемая в физических науках, направлена на то, чтобы показать возможность рационального согласия по поводу значения

научных терминов, даже если принять идею Куна о научных революциях и смене парадигм.

Но философия науки Фридмана занимает, так сказать, промежуточную территорию, между аналитической и континентальной философией. Аналитические привязанности Фридмана, прежде всего, сказываются в его усилиях отстоять объективность науки, используя ресурсы логического эмпиризма. Континентальные привязанности Фридмана сказываются в его обращении к феноменологии и экзистенциализму. Но общим фоном для всего предприятия выступают неокантианские призывы к модификации кантовских идей об аналитических или синтетических *a priori* утверждениях. Сама идея *a priori* имеет две отчетливых компоненты – необходимость и конституирование; по Канту, принципы чистого рассудка – это принципы, которые объективируют пространственно-временной каркас феноменов. Таким образом, они были абсолютно *a priori* – они были необходимы и универсальны, с одной стороны, и конституировали объекты познания, – с другой. При модификации судьба этих компонент не была одинаковой. *A priori* принципы перестали быть необходимыми, став релятивизированными, а вот конститутивный аспект *a priori* сохранился.

На практике эти вещи не были метафизическими пожеланиями. В частности, обсуждение структуры общей теории относительности (как наиболее репрезентативной новой физической теории о пространстве и времени) показало, что каждая физическая теория имеет особое множество принципов, которые конституируют объекты познания в соответствии с этой теорией. Таким образом, конститутивное *a priori* изменчиво во времени и релятивизировано по отношению к теории. Решимость логических эмпиристов подвергнуть такой радикальной модификации кантовское *a priori* была основана на экспликациях этой категории в виде, например, т.н. координационных принципов Райхенбаха, соотносящих теоретические концепции с эмпирическими значениями. Эта разработка Райхенбаха заняли особое место в качестве стартовой концептуальной посылки в конструировании релятивизованного *a priori*.

Карнап пошел в этом отношении дальше, формулируя представление об *apriori* принципах, конститутивных относительно эмпирических значений терминов, в структуре формализованных языков. В этом смысле эпистемологическая идея *a priori* становится скорее семантической, и даже технической, поскольку дискурс ведется в рамках формализованных языков. Такой подход к *a priori* является достаточно расплывчатым в силу принципа терпимости Карнапа, когда на сцене появляется изобилие формальных языков. В «Динамике разума» Фридман поддерживает свою основную эпистемологическую линию,

но стремится высвободить ее от конкретных ресурсов, которые Карнап использовал в ее разработке. Эта линия заключается в том, чтобы сделать правдоподобной идею о том, что существуют принципы, которые играют конститутивную *a priori* роль, не привязывая это к техническим проектам в металогике и семантике.

Одно из возражений состоит в том, что фактически единственный пример релятивизованного *a priori*, с которым имеет дело Фридман, это общая теория относительности, в которой соотношение теоретических концепций и эмпирических данных является сложным и запутанным вопросом, по-разному трактуемым в литературе. Концентрация внимания на физике объясняется у Фридмана не тем, что другие науки менее интересны с точки зрения эпистемологии, а тем обстоятельством, что общая теория относительности знаменовала собой научную революцию, в которой, даже если следовать Куну, философские вопросы в составе парадигм выходят на первый план. Выявление в концептуальной структуре теории *a priori* элементов послужило «поводом» для пересмотра роли философии в научных изменениях, не как пассивных комментариев к готовым теориям, а как участника в рациональном обсуждении теоретических альтернатив. Об этом свидетельствуют споры о соотношении «принципов» и «эмпирических данных» в этой теории; различные ответы на эти вопросы предлагаются в учебниках и поныне. В этом отношении материал Фридмана в этом томе предлагает превосходную «родословную» этого спора.

Почти немедленным контрпримером, и весьма существенным, является ситуация с квантовой механикой, для которой, вопреки огромному числу дискуссий о ее природе не нашлось пока места для кантовского *a priori*, пусть даже релятивизованного. Не говорит ли странное обстоятельство (окончательное становление этих двух теорий разделяет не более десятка лет), что релятивизованное *a priori* является в некотором роде *ad hoc* философским комментарием к выделенной физической теории? Такой вопрос действительно задается критиками Фридмана, хотя и в менее резкой форме. И попытки как самого Фридмана, так и его комментаторов, не отличаются заключительностью или определенностью, и сводятся к тому, что относительно «внезапное» по времени рождение квантовой теории не имело той богатой истории, на фоне которой можно было бы выделить такие концептуальные структуры как *a priori* условия возможности опыта, или что-то в этом роде. Если в случае теории относительности такие условия усматриваются в дискурсе о пространстве и времени, то вполне возможно, что в квантовой теории базисными категориями могут оказаться индетерминизм или квантовая запутанность, и т. д.

И такого рода соображения оправдываются и самим Фридманом, хотя и в несколько неявном образе. В своем объемном «ответе» Фридман представляет потрясающую главу в истории науки, от Ньютона до Эйнштейна, в которой вклад, среди многих других, Гельмгольца, Пуанкаре, Маха, представляет тот самый фон, в котором созревают философские концепции. Так, ДиСалле в своей статье говорит об активной роли философии в построении научной теории следующим образом:

«Точка зрения Фридмана состоит в подчеркивании того обстоятельства, что в такие времена концептуальных преобразований особую и решающую роль играет философия. Новая теория, которая переопределяет фундаментальные концепции дисциплины, может в конечном итоге трансформировать не только научные принципы, но и цели и методы дисциплины, и, возможно, даже представление дисциплины о том, что является научным фактом... Оно опиралось на комплекс философских традиций, насчитывающих десятилетия и даже столетия, представленных, в частности, Пуанкаре, Махом и Юмом – в которых особое внимание уделялось критическому анализу научных концепций и связей между математическими понятиями и эмпирическим знанием». [2, с. 349–351].

И для углубления понимания, в какой степени тут нужна философия, Фридман дает тщательное описание того, как Кант в докритический период обнаруживает необходимость в метафизическом объяснении нерешенных концептуальных проблем науки (например, действие-сил-на-расстоянии, и др.). Различные ипостаси кантовских *a priori* условий возможности опыта – конвенции Пуанкаре или координационные отношения Райхенбаха – показали плодотворность самой идеи *a priori*, но также убедили последующие поколения исследователей, что эмпирические принципы физики не являются универсальными и необходимыми условиями возможности опыта в целом, обнаруживая их относительный к теоретическому знанию в разные моменты истории физики характер.

Вопрос об *a priori* знании возникает как раз в тех областях, где принципы соотнесения эмпирических данных с концептуальным каркасом оказываются предварительными условиями исследования перехода от старых теорий к новым. Установление таких принципов является делом не просто переопределения терминов, а результатом трансцендентального аргумента. Как говорит ДиСалле, «это диалектический переход от существующего определения к новому, выявляющий скрытые предпосылки старой концепции и демонстрирующий внутренние трудности, которые должны быть разрешены с помощью нового» [2, с. 357].

Если продолжить разговор об аналогии между релативизованным *a priori* и парадигмами Куна, то это следует делать уже с пониманием важности того, что собой представляют трансцендентальная ар-

гументация, в отличие, скажем, от логической. Как и в случае с парадигмами, в определенные моменты истории науки, когда определенный *a priori* каркас не может быть сохранен в свете произвольных новых данных, переход от старой теории к новой не укладывается в рамки логической аргументации (по сути, аналитического, не дающего новой информации вывода). Но и старые трансцендентальные принципы не работают, и поэтому каждый раз нужно пересматривать определенный *a priori* каркас, который не может быть сохранен в свете произвольных новых данных. Так что, по аналогии с научными революциями Куна, в определенные моменты истории физики необходимо пересматривать трансцендентальные принципы и находить новую трансцендентальную аргументацию. Это и есть пересмотр *a priori* принципов физики. Эти вещи можно продемонстрировать, как и у Куна, только историей науки. То же делает Фридман, представляя в своем очерке историю становления трансцендентальных аргументов на примере возникновения идеи относительности.

Здесь перед Фридманом и другими сторонниками релятивизованного *a priori* возникает определенная проблема. Если собственно кантовское *a priori* требует релятивизации, да и трансцендентальные аргументы не являются обоснованными для всех случаев, стоит ли противопоставлять классическую кантовскую машинерию трансцендентального толка концептуальному анализу в стиле логического эмпиризма, например, в терминах каркасов Карнапа? Не является вообще попытка Фридмана и его союзников в направлении «назад к «назад к Канту»» несколько ретроградной?

На это скептическое мнение об усилиях Фридмана два ответа. Первый из них состоит в том, что значительная часть этих усилий направлена на то, чтобы донести до читателя «подлинного Канта». В какой степени эти усилия являются оправданными, если мотивом для них является прививка очередному поколению уважения к Канту, — трудный вопрос. Не менее громко звучат голоса, которые предлагают усвоить скорее «дух» Канта, чем его «букву». Так, в своей статье видный аналитический философ Марк Уилсон говорит следующее:

«Действительно, его преданные ученики обычно воспринимают его корпус только как могучее сооружение, спроектированное в соответствии с самыми утонченными формами архитектурного принципа, где даже декоративные фигурки на каминных полках были выведены из Таблицы Категорий. Исключительная заслуга исторической науки Фридмана заключается в том, что он реконструировал трудные и потные времена усердного труда в классической физике, который частично лежит в основе заверченного им обиталища, и который изначально вдохновил Канта уложить строительный материал свойственным только ему образом. Этот жизненно важный научный контекст часто трудно уловить, но не потому,

что он замаскирован или скрыт, а потому, что Кант пишет в чрезвычайно сжатой форме и предъявляет своим читателям большие требования, создавая интерпретационные барьеры, которые с течением времени только усилились. Упорство Фридмана в этом сложном спасательном проекте поистине поразительно.

В самом деле, наши наилучшие перспективы для реализации рекомендованной Фридманом программы «мета-парадигмального» исследования заключаются в том, чтобы воспроизвести, насколько это возможно, основные модели критического анализа, которые характеризуют усилия самого Канта. Многие из видных философов, чьи работы представлены на страницах Динамики разума (Гельмгольц, Райхенбах, Карнап, Кассирер и др.), исходно объединяли свои усилия под лозунгом «Назад к Канту!», полагая, что экстравагантность идеализма конца девятнадцатого века слишком далеко ушла от строгой дисциплины философии их прародителей. И сейчас, похоже, самое подходящее время возобновить подобные усилия» [7, с. 441–442].

Второй ответ заключается в том, что даже если некоторым читателям эти попытки возродить важность *a priori* все-таки представляются ретроградными, следует еще раз напомнить о том, почему речь идет о двух разных аспектах *a priori*. Концепция Майкла Фридмана о релятивизированном *a priori* вдохновлена ранними логическими позитивистами, которые, по его словам, в первую очередь интересовались местом и значением кантовского *a priori* перед лицом очевидной неспособности евклидовой геометрии описать пространство и время. Действительно, по Канту, форма нашего интуитивного представления о пространстве и времени обязательно является евклидовой. Кроме того, конституитивность *a priori* заключается в том, что оно является предварительным условием для получения знания и обеспечивает форму, без которой наш опыт не считался бы знанием и, возможно, даже не был бы опытом. Фридман утверждает, что ранние логические позитивисты (в частности, Райхенбах) отвергли первый аспект *a priori*, но приняли кое-что из второго.

Таким образом, проблема заключается в понимании того, какова значимость этого «кое-чего», что приняли логические позитивисты, и есть ли уже современное понимание *a priori*, которое не связано напрямую с экзегетикой кантовских текстов и интерпретаций. Другими словами, можно ли, как уже было указано выше, эксплицировать это понятие в том виде, который присущ современной философии, скажем, в русле логики и методологии науки. В этом отношении очень характерно настроение опять-таки Уилсона:

«Насколько я могу судить, большинство современных философов, стремящихся «оживить Канта в наше время» (скажем, в области этики) довольствуются тем, что бродят по его величественному особняку и подбирают тематические безделушки по своему вкусу (я представляю, как они прячут под пальто всякие безделушки – bric-a-brac). Но в той мере, в

какой это касается философии науки и современной дескриптивной метафизики, нам лучше подражать Мастеру в его глубоком понимании тонких методологических странностей, а не просто заимствовать его более величественные кредо» [7, с. 442].

В общем-то, призыв Уилсона можно понять следующим образом: нельзя ли функцию того, что выполняет *a priori*, передать в пользу такого описания, при котором имеет место «подражанию Мастеру в тонких странностях», а не «заимствованию его величественного кредо». Другими словами, а нельзя ли обойтись без таинственных «трансцендентальных» аргументов, или попросту, заговорить «прозой» современных технических средств? Если это в принципе возможно, тогда стратегия Фридмана изложения идеи релятивизованного *a priori*, освободившись от излишних технических подробностей (в конкретном случае, от техники Карнапа), не является единственной перспективной.

В самом деле, соотношение *a priori* структур и эмпирических данных можно рассматривать как два уровня вер, или в семантическом плане, утверждений. Уровень А-утверждений не поддается проверке каким-либо эмпирическим способом; именно в этом смысле это *a priori* структура. Есть другой В-уровень, понятность которого (его идентификация и эмпирическая проверка) предполагает А-уровень. В этом смысле А-уровень конституирует В-уровень. Такое конститутивное *a priori* и есть экспликация кантовского понятия. Тут (пока) нет никакой метафизики (скажем, мы не говорим о вещах-в-себе, об интуиции и пр.). Это вполне приемлемая экспликация кантовских понятий, но как выразился автор такой экспликации, «Кант приложил бы все усилия, чтобы поместить [предлагаемое различие уровней] в более широкий и запутанный каркас»:

«Таким образом, идея конститутивного *a priori* в существенно измененном виде вдохновила некоторых из лучших представителей философии науки XX в. Карнап, Селларс, Кун, Лаудан и Фридман – все они работали в рамках традиции, согласно которой наши интеллектуальные обязательства бывают двух существенно отличающихся друг от друга видов, которые я здесь называл уровнями А и В. Главная особенность их расхождения с Кантом состоит в том, что все они считают, что веры, составляющие А-уровень, могут быть пересмотрены и, следовательно, эти веры не выводятся из ограничений на интуицию, налагаемых человеческим разумом. Суждения А-уровня все еще конституируют суждения В-уровня, то есть в совокупности они по-прежнему придают форму и структуру нашему пониманию того, что представляют собой эти утверждения В-уровня, и придают форму разуму, подходящую для понимания утверждений В-уровня. Но обязательства А-уровня больше не навязываются нам нашей природой рациональных способностей. Скорее, А-уровень – это наше собственная конструкция разума, и она может осуществляться различными способами. Мы ответственны, поскольку не можем ни прятаться за своей природой и не перекладывать ответ-

ственность на таинственное и неосуществимое прямое метафизическое озарение» [5, с. 383–384].

Безусловно, такая экспликация является лишь схемой, наполнение которой столь же сложно и запутано, как то имеет место в анализе реальных теорий. Тем не менее, такая схема избегает многих проблем, которые препятствуют ясному пониманию природы кантовского *a priori*. И тогда упомянутое выше стремление Фридмана освободиться от конкретных ресурсов Карнапа в трактовке *a priori* как нельзя лучше характеризует направленность синтетической истории науки. Дело в том, что любая экспликация (тем более в формальных каркасах) искажает в определенной степени изучаемый феномен. Согласно знаменитому афоризму Куайна, экспликация есть элиминация, и любая экспликация *a priori*, хотя и высветит важные его функции, уже не будет тем понятием, который имели в виду Кант и его последователи. Для тех же, кто хочет в условиях современной философии сохранить результаты исторической эволюции исходного замысла Канта, умеренность в стремлении к подобного рода экспликаций будет оправдана.

Но независимо от того, в какой степени концепция «релятивизованного *a priori*» Фридмана его критиками будет признана успешной, сам по себе ответ Фридмана представляет огромный интерес по ряду других тем и вопросов. Фридман дал очень детальный обзор философии Канта (как критического, так и до-критического периодов), а также последующего развития концепции *a priori* в науке вплоть до XX в.

В тематике, которая освещена в многочисленных исследованиях, Фридман сумел найти новое слово не только по сравнению с другими авторами, но и со своими собственными прежними представлениями о некоторых событиях и идеях. Так, Фридман подчеркивает важность попыток примирения Кантом научных взглядов Ньютона с метафизикой Лейбница в формировании будущей критической философии. Удивительным является одобрение Фридманом *Naturphilosophie* Шеллинга как вполне естественного выхода из затруднений, с которыми столкнулась кантовская программа, под влиянием новых научных достижений. Очень оригинальным является хотя и краткое, но четкое описание новой ипостаси Маха. Но самое большое впечатление производит новое сопоставление взглядов Пуанкаре и Эйнштейна. Эта тема, многократно освещенная в литературе, дана Фридманом в совершенно ином ракурсе их философских разногласий. Обычно они сводятся к пресловутому конвенционализму Пуанкаре. Но Фридман очень убедительно показывает важность иерархии наук Пуанкаре в процессе «возведения» принципов до статуса конвенций как обоснования их *a priori*

характера, в противоположность отрицанию Эйнштейном самой идеи *a priori*.

Весьма любопытно заключение Фридмана о критике Куайном различения аналитических и синтетических истин. Эта критика «двух догм эмпиризма» считается началом конца логического позитивизма, представленной в лице Карнапа. Между тем, все больше исследователей отвергают вердикт Куайна по поводу заблуждений Карнапа, и Фридман в этой связи делает удивительное по значимости утверждение о том, что Карнап является гораздо более значимой фигурой, чем Куайн.

В целом, вызванная работами Фридмана дискуссия развивается в нескольких направлениях. Во-первых, она дает довольно полное представление о новом направлении, соединяющим собственно историю философии с историей и философией науки. Оценка (или скорее, переоценка) некоторых эпизодов современного прочтения наследия логических эмпиристов, впрочем, как и некоторых эпизодов феноменологии, является продолжением усилий М. Фридмана по наведению мостов между аналитической и континентальной философией. С другой стороны, участники дискуссии – видные специалисты в истории философии и истории науки (А. Ричадсон, Р. Крит, Д. Говард, Р. Ди-Салле, Т. Рикман, М. Уилсон), которые представляют более общий фон нынешних дискуссий о роли и судьбе одного из главных понятий кантовской философии, *a priori*.

Литература

1. Глок Г.-Й. Аналитическая философия: как она есть / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2022. 110 с.
2. ДиСалле Р. Синтез, синтетическое *a priori* и истоки современной теории и истоки современной теории пространства-времени // Фридман М. *A priori* Канта в науке и философии. Современные споры / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2025. С. 346–380.
3. Дрессер С. Многозначия на пике важности // Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2021. С. 279–301.
4. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2019. 526 с.
5. Крит Р. Конструирование разума: Кант, Карнап и по ту сторону // Фридман М. *A priori* Канта в науке и философии. Современные споры / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2025. С. 381–441.
6. Уайтхед А.Н. Приключения идей / Пер. с англ. Л.Б. Туманова. М.: Институт философии РАН, 2009. 383 с.
7. Уилсон М. Назад к «Назад к Канту!» // Фридман М. *A priori* Канта в науке и философии. Современные споры / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2025. С. 440–460.
8. Фридман М. Философия на перепутье: Карнап, Кассирер и Хайдеггер / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2021. 351 с.

9. Фридман М. *A priori* Канта в науке и философии. Современные споры / Пер. с англ. В.В. Целищев. М.: Канон-плюс, 2025. 460 с.
10. Discourse on a New Method: Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science / Eds. Domski M. and Dickson M. Chicago: Open Court, 2010. 852 p.
11. Friedman M. Foundations of Space-Time Theories: Relativistic Physics and the Philosophy of Science. Princeton University Press, 1983. 385 p.
12. Friedman M. Kant and the Exact Sciences. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 357 p.
13. Friedman M. Reconsidering Logical Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 276 p.
14. Friedman M. Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University. Stanford: CSLI Publications, 2001. 155 p.
15. Friedman M. Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science. Cambridge University Press, 2013. 624 p.

Reference

1. Glok, G-J. (2022). Analiticheskaya filosofiya: kak ona est [What is analytic philosophy]. Moscow, Canon-plus Publ., 110.
2. DiSalle, R. (2025). Syntes, sinteticheskoe a priori I istoki sovremennoy teorii prostranstva-vremeni [Synthesis, the synthetic a priori and the origins of modern space-time theory]. In: Apriori Kanta v nauke I filosofii. Sovremennye spory [Kant's a priori in science and philosophy. Recent debates]. Moscow, Canon-plus Publ., 346–380.
3. Dresser, S. (2021). Mnogotochiya na pike vazhnosti [Peak ellipsis]. In: Filosofia na pereputii [A parting of the ways. Carnap, Cassirer and Heidegger]. Moscow, Canon-plus Publ., 279–301.
4. Coffa, A. (2019). Semanticheskaya traditsia ot Kanta k Karnapu: k Venskomu vokzalu [The semantic tradition from Kant to Carnap: To the Vienna station]. Moscow, Canon-plus Publ., 526.
5. Krit, R. (2025). Konstruirovaniye razuma: Kant, Karnap, Kun i po tu storonu [The construction of reason: Kant, Carnap, Kuhn and beyond]. In: Apriori Kanta v nauke I filosofii. Sovremennye spory [Kant's a priori in science and philosophy. Recent debates]. Moscow, Canon-plus Publ., 381–441.
6. Uaithed, A.N. (2009). Priklucheniya idei [Adventures of Ideas]. Moscow, Institute of philosophy RAS, 383.
7. Uilson, M. (2025). Nazad «Nazad k Kantu!» [Back to «Back to Kant!»]. In: A priori Kanta v nauke I filosofii. Sovremennye spory [Kant's a priori in science and philosophy. Recent debates]. Moscow, Canon-plus Publ., 440–460.
8. Fridman, M. (2021). Filosofia na pereputie: Kant, Kassirer I Haydeger [A parting of the ways. Carnap, Cassirer and Heidegger]. Moscow, Canon-plus Publ., 351.
9. Fridman, M. (2025). A priori Kanta v nauke I filosofii. Sovremennye spory [Kant's a priori in science and philosophy. Recent debates]. Moscow, Canon-plus Publ., 460.
10. Domski, M, Dicson, M. (2010). Discourse on a New Method: Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science / Eds. Domski M. and Dickson M. Chicago: Open Court, 852.
11. Friedman, M. (1983). Foundations of Space-Time Theories: Relativistic Physics and the Philosophy of Science. Princeton University Press, 385.
12. Friedman, M. (1992). Kant and the Exact Sciences. Cambridge, MA: Harvard University Press, 357.
13. Friedman, M. (1999). Reconsidering Logical Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 276.

14. *Friedman, M.* (2001). *Dynamics of Reason. The 1999 Kant Lectures at Stanford University.* Stanford: CSLI Publications, 155.

15. *Friedman, M.* (2013). *Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science.* Cambridge University Press, 624.

Информация об авторе

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, кафедра гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2); научный руководитель Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)

leitval@gmail.com

Information about the author

Tselishchev Vitaliy Valentinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, the Department of Gnoseology and History of Philosophy at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); Scientific Director at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления: 30.09.2024